

Человек повседневности – «ансамбль практик»

Современные подходы к изучению повседневной жизни человека дают нам возможность говорить о человеке повседневности как о совокупности практик, потому что интерес к повседневности реализуется не только под знаком «практического поворота», но и через формирование нового теоретического консенсуса на основе понятия «практика». В центре внимания оказывается практико-ориентированная концепция П. Бурдьё, в которой практика является универсальной объяснительной категорией. Подчеркивается эффективность подхода П. Бурдьё к анализу человека повседневности.

Ключевые слова: повседневность; человек повседневности; П. Бурдьё; практики; габитус.

Интерес к повседневности как к объекту исследований обусловлен тем, что практический интерес «совпал» с общим направлением современных теоретических исследований в области культурной, философской, социальной и исторической антропологии, Антропологизация научной парадигмы в последние десятилетия обнаруживается, прежде всего, в переносе акцентов на рядового человека, его обыденное сознание и его повседневные практики [1].

«Человек – ансамбль практик»¹ – говорить таким образом нам позволяют современные подходы к изучению повседневной жизни человека. Важным в исследованиях становится не поиск или определение сущности человека, а выявление и интерпретация его повседневных практик. Интерес к повседневности реализуется «под знаком “практического поворота” (“practice turn”) – мир обыденных рутинных действий начинает рассматриваться в качестве самостоятельного предмета исследований, и формируется новый теоретический консенсус на основе понятия практики <...> Теперь повседневность возвращается в образе вместилища рутинных практик, своеобразной арены нерелективных действий» [2, с. 19]. «Понятие “повседневной практики”, – пишет В. Вахштайн, – охватывает всё новые и новые области исследования, на первый взгляд весьма далекие от традиционных тем микросоциологии. Эта экспансия не только выводит социологию повседневности на первый план социальной теории, вооружая исследователя мощным инструментом видения социальной жизни, но и в корне меняет облик “повседневности” как теоретического концепта» [2, с. 8].

Обращение социологии к повседневности, к рутинным практикам и обыденному опыту, к элементарному уровню социальности обусловлено современной культурной ситуацией, которая заставляет с подозрением относиться к самой идее общества: размывание территориальных границ, формирование общей информационной среды, унификация норм и стандартов жизни делают проблематичным неколебимость общества как самостоятельной суверенной реальности. Чтобы преодолеть разрыв между базовыми социально-философскими концептуализациями и изменяющимся объектом исследования, социальной теории приходится либо прибегнуть к радикальному переосмыслению этого объекта («переопределить общество»), либо произвести рефокусировку своего исследовательского ин-

* Елена Анатольевна Калистратова, секретарь аспирантуры, старший преподаватель, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: kalistratovae@mail.ru

¹ Эту фразу произнес С. С. Хоружий в программе, посвященной Джеймсу Джойсу и его роману «Улисс», на телеканале «Россия К». (Наблюдатель [Электронный ресурс] : [эфир от 02.02.2017]. – URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20918/episode_id/1465794/video_id/1581468).

тереса («уйти от общества»). Эта «рефокусировка» приводит к поиску новых концептуализаций либо в области глобальных феноменов, либо, напротив, в сфере элементарных социальных образований и повседневных взаимодействий [2, с. 8–11]. Но этот путь ведет исследователей и к переопределению самой повседневности, которая перестает быть «верховой реальностью», она становится проницаемой для других миров реальностей [Шюц] и выводит на первый план фигуру «творца реальности» [3, с. 18] – человека, производящего практики.

Интерес к практикам, производимым людьми в их повседневной жизни, как мы отмечали выше, затронул гуманитарные науки в целом. В. Вахштайн, осуществляя экскурс к истокам современной практико-ориентированной социальной теории, пишет: «По справедливому замечанию В. В. Волкова, “...с одной стороны, практика (или практики) все чаще фигурируют в качестве основной категории в антропологии, философии, истории, социологии, политической теории, теории языка, литературной теории – и в этом смысле формируется некоторая общая для социальных наук парадигма. С другой стороны, однако, для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других способ включения этих понятий в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации. Последний, к тому же, варьируется в зависимости от отдельных авторов». В. Вахштайн также отмечает, что современной концептуализации «практики» способствовали три современных теории: структуралистский конструктивизм П. Бурдьё, теория структуризации Э. Гидденса и этнометодология Г. Гарфинкеля [2, с. 19–20].

В данном исследовании мы хотели бы сосредоточиться на рассмотрении концепции практико-ориентированной теории П. Бурдьё, поскольку «диспозиции, схемы классификации, категории восприятия и мышления продуцируются практиками и существуют в потоке практик, так же как квазиобъективные структуры социального мира». Бурдьё превращает «практику» в универсальную объяснительную категорию: «...не только социология повседневности объявляется практико-ориентированной, но и вся социология становится наукой о практиках, к которым могут быть редуцированы более сложные социальные феномены» [2, с. 25–26]. Следует также отметить, что методология полей и практик была убедительно продемонстрирована П. Бурдьё в анализе целого ряда сложных социокультурных явлений (право, экономика, религия, образование, литература, политика, наука) и представляется не только актуальной, но и продуктивной в современных научных исследованиях [4, с. 88]. Это позволяет нам еще раз подчеркнуть, что в современном научном понимании человек может быть представлен как ансамбль различных практик (практики повседневного взаимодействия, языковые повседневные практики, практики потребления, телесные практики, повседневные культурные практики и т. д.).

Практики, осуществляемые людьми в повседневной жизни, являются реализацией габитуса, который лежит в основе стиля жизни группы или класса [8, с. 20]. С помощью разработанного П. Бурдьё понятия «габитус» (*habitus*) мир повседневности может быть описан как система практик, воплощающих наши фундаментальные предпочтения и вкусы в отношении предметов, ценностей и людей. Габитус определяет нашу реакцию на реальность, организуя эти предпочтения в систему различий (*distinctions*), структурирующих социальную реальность. Габитус – это культурная организация культурных практик, включающая вкус и эмоции [5, с. 455–456]. Понятие габитуса, предложенное П. Бурдьё, «позволяет уйти от представлений о человеке как бестелесном субъекте, равном чистому сознанию. <...> Современная теория проявляет большой интерес к телесности человека, определяемой социальностью» [6, с. 17].

В понимании П. Бурдьё, утверждает Н. А. Шматко, «практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире. <...> В

самом общем виде, практика – «событие социального мира, которое, в свою очередь, есть производное от изменения. Следовательно, можно сказать, что практика является изменением социального мира, производимым агентом. <...> То, что практика производится агентом в рамках объективных и субъективных структур, означает, что она всегда чем-то обусловлена, от чего-то зависит, вытекает из другого, а ее условия и предпосылки практики суть ее же атрибуты, поскольку формируют ситуацию, в которой практика творится агентом» [7, с. 551].

Также Н. А. Шматко отмечает, что практика всегда единична и экстериорна. С практикой агент либо сталкивается – и тогда это практика другого, либо овнешняет ее – и тогда это собственная практика агента.

Простых или элементарных практик не бывает. В практике всегда есть составляющие ее моменты, т. е. переходящие друг в друга компоненты; это множество элементов. Кроме того, несмотря на единичность практики, ее сингулярность в пространстве и времени, у нее может быть более или менее долгая история, указывающая на отношения с социальными структурами, понимаемыми как ее необходимые условия и предпосылки. Вместе с тем практика характеризуется всеми отношениями с другими практиками, тем, что можно назвать «историческим становлением». У каждой эмпирической практики «неидеальные» формы, задаваемые ее моментами, поэтому сущность ее кроется в различии. Любая практика есть различие: когда агент что-либо совершает, он отличает себя от предмета своей практики; то, что и как он производит, отличает его предмет деятельности от других; его способ и манера действия отличается от характеристик других агентов и т. д. Только при этом условии практика может быть выделена из хаоса общественной жизни [7].

Все значимые практики, с которыми сталкивается сознание в социальном мире, становятся моментами «самости» агента, трансформирует ее. Эта «внутренняя» «самость» вбирает в себя «внешний» социальный опыт агента и, наряду с другими социальными структурами, служит основанием для последующего опыта. Содержание «самости» должно быть связано с тем, что существует в социальном мире независимо от воли агентов, т. е. с социальными отношениями. «Самость» агента представляет собой ансамбль интериоризированных социальных отношений, который П. Бурдьё называет габитусом. Это означает, что габитус есть необходимое условие возможности практик, их инкорпорированная «модель», совокупность схем производства практик агентом. Можно представить «габитус» агента как ансамбль субъективных значений совокупности объективных структур, в которые агент был интегрирован в процессе своей социализации. Габитус есть воспроизводство внешних социальных структур под видом внутренних структур личности. В процессе интериоризации, т. е. практического освоения принципов производства практик, не достигающего дискурсивного и рефлексивного уровня, агент имитирует практики других [7].

Практики возникают в результате необходимого «... столкновения между habitus и событием, которое может активизировать habitus, только если последний выхватывает событие из непредвиденности случайного и констатирует его как проблему, применяя к ней сами принципы ее решения, а также потому, что habitus, как “любой акт изобретения”, обладает способностью порождать бесконечное число практик, относительно непредсказуемых (как и соответствующие ситуации), но в то же время ограниченных в своем многообразии» [8, с. 20].

П. Бурдьё отмечает, что габитус производит среда, ассоциируемая с определенным классом условий существования. Габитус – это «системы прочных приобретенных предрасположенностей (dispositions), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, т. е. в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и пред-

ставления, которые объективно приспособлены для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства. Объективно “регулируемые” и “регулярные”, не являющиеся при этом никоим образом результатом подчинения правилам, они могут исполняться коллективно, не будучи продуктом организующего действия дирижера» [8, с. 18]. То есть в силу обладания габитусом, а именно «вследствие инкорпорации, индивидуальный агент является коллективной индивидуальностью или индивидуальной коллективностью. Индивидуальность, субъективность есть социальность, коллективность. Габитус – это социализированная субъективность, историческое трансцендентальное, чьи категории восприятия и оценки (система предпочтений) суть продукт коллективной и индивидуальной истории» [9, с. 159].

Н. Н. Козлова обозначила следующие основные детерминанты габитуса: капитал (не только экономический, но и социальный, культурный); позицию в отношениях производства (например, определенную через профессию, род занятий со всеми сопутствующими детерминациями); тип социальной связи, в которую человек включен; историю группы, к которой принадлежит индивид; индивидуальную историю (биографию). Именно эти детерминанты определяют манеру держаться, мыслить и говорить, а их воздействие многократно усиливается деятельностью средств информации и системы образования [6, с. 39].

Интериоризация качеств, определяемых названными и другими параметрами, происходит в процессе социализации индивида. Н. Н. Козлова писала, что наше тело и язык наполнены онемевшими верованиями, унаследованными жестами. В течение жизни человек обретает новые телесные, языковые, поведенческие и другие навыки, которые мы называем социальными. Огромное значение имеют семейная и школьная социализации, социализация через средства коммуникации. Кино и телевидение каждый день демонстрируют, каким должно быть легитимное (узаконенное, образцовое, нормальное) тело, как человек должен улыбаться, ходить, реагировать. Нам показывают, что такое красивые женщина, мужчина, ребенок, старик [6, с. 39]. Как писал П. Бурдьё, «научиться – это приобрести проверенный габитус, который... может объединить в себе массу вещей, некоторые из которых могли быть объективированы в виде формальных формул. Габитусы – это свободные привычки или, по Гегелю, сноровка, ловкость рук (например, у рабочего ручного труда, у хирурга, у виртуоза, артиста и т. д.)» [11, с. 29].

Габитус, рассматриваемый в качестве приобретенной системы порождающих схем, «делает возможным свободное производство мыслей, восприятий и действий, присущих конкретным условиям их производства, – и только им. Посредством *habitus* структура, продуктом которой он является, управляет практикой, причем не в духе механистического детерминизма, но в рамках принуждений и пределов, заведомо наложенных на ее изобретение. <...> Поскольку *habitus* – это бесконечная способность для производства мыслей, восприятий, выражений и действий, – пределы которой заданы историческими и социальными условиями его производства, то и обусловленная и условная свобода, которую он предоставляет, так же далека от создания непредсказуемого нового, как и от простого механического воспроизводства первоначальных условий» [8, с. 20]. Поэтому габитус – это не только способность свободно производить практики, но это еще и жесткий каркас, ограничивающий эту производительную способность. Габитус обозначает предопределенность, принудительность. Это необходимость, которая обрела плоть в вещах и телах [7].

Следует также отметить, что габитус – это одновременно система схем производств практик и система схем восприятия и оценивания практик. «В обоих случаях, – пишет Бурдьё, – эти операции выражают социальную позицию, в которой

он был сформирован. Вследствие этого габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла. Так, габитус подразумевает чувство своего места, но еще и чувство места другого» [10, с. 193–194]. По мнению П. Бурдьё, социальный мир предстает как сильно структурированная реальность. Социальное пространство представляет собой совокупность агентов, наделенных различными и систематически взаимосвязанными свойствами. Такие свойства, когда они воспринимаются агентами, наделенными соответствующими категориями перцепции, способными видеть... функционируют в самой действительности социальной жизни как знаки. Различия функционируют как различительные знаки и как знаки отличия (позитивного или негативного), будучи даже вне какого-либо стремления отличаться <...> Иначе говоря, через распределение свойств социальный мир объективно представляется как символическая система, пространство стилей жизни и группы по статусу, характеризующиеся различными стилями жизни.

Таким образом, восприятие социального мира есть продукт двойного структурирования. Со стороны объективной оно социально структурировано. Со стороны субъективной оно структурировано в силу того, что схемы восприятия и оценивания, в особенности те, что вписаны в язык, выражают состояние отношений с символической властью. Эти два механизма участвуют в производстве общего мира, мира здравого смысла или, самое малое, – минимума консенсуса о социальном мире [10, с. 195–197].

Н. Н. Козлова указывала на то, что габитус лежит в основе восприятия людьми социального мира. Она писала, что «мы можем говорить о “человеке на своем месте”, об ощущении человеком собственной позиции в системе общественных связей и отношений. Человек ощущает, что можно, а чего нельзя “себе позволить”. Одни негласно принимают свое положение, испытывая чувство дистанции, заставляют других себя уважать. Они делают то, что “должны делать”, с радостью или покоряются тому, что обозначают словом “судьба”, признавая, что они созданы для того, что они делают, и иного не дано. Другие недовольны своим положением и желают изменить его». Но она также отмечала, что в «рамках понимания габитуса как инкорпорированных схем деятельности изменение объяснить трудно. Кроме того, следует сказать, что, рассуждая о габитусе как “объективном фундаменте упорядоченного поведения”, позволяющего агентам “вести себя определенным образом в определенных обстоятельствах”, автор ищет в “действиях по габитусу” скрытые стратегии и интересы, бессознательные поступки и холодный расчет индивида. Тем самым Бурдьё в повседневных практиках видит “только воспроизводство социальных иерархий и повторение их идеологий”, не учитывая критические способности самих индивидов» [12, с. 89].

Здесь хотелось бы отметить, что «институциональные рамки задают коридор возможностей для индивидов, однако в нем относительно много свободного пространства для самостоятельного выбора и множественности идентичностей. Самоидентификация личности-индивида в современном обществе всегда множественна. В сложном мире человек в зависимости от жизненной ситуации извлекает из багажа своих идентичностей ту, что более адекватна данной ситуации взаимодействия с другими» [13, с. 17–18]. Но идентичность не всегда «навязывается внешними структурными ограничениями, а вырабатывается из повседневных жизненных практик и закрепляется в них» [13, с. 13]. В этом случае мы можем сказать, что человек повседневности представляется как совокупность, или ансамбль, практик.

Нам важно обратить внимание на еще один смысл понятия «габитус», который особо выделила Н. Н. Козлова. Габитус выступает как система организующих принципов действия, порождающая разные практики. Человек – реальный социальный агент – выступает как практический оператор конструирования объектов. Понятие «габитус» позволяет объяснить изменение человека. Габитус – не только система приобретенных схем деятельности, функционирующих на практике как категории восприятия и оценки, как принципы классификации элементов социального мира. Это включенная в тело возможность социальной игры, игра, превратившаяся в натуру. Понятие игры позволяет показать, что действия человека, с одной стороны, социально детерминированы: игра осуществляется по правилам. Игра – место закономерностей. Но, с другой, – игра подразумевает бесконечное множество ходов в рамках заданных правил. Тем самым возникает возможность объяснить изменения человека и общества [6, с. 40].

Как подчеркивает П. Бурдьё, «габитус, в качестве социального, вписанного в тело, в биологического индивида, позволяет производить бесконечность актов игры, которые вписаны в игру как возможность и объективная необходимость» [10, с. 99].

По мнению Н. Н. Козловой, понятие «габитус» позволяет реализовать новый тип социального объяснения. Социальный агент перестает рассматриваться только как производное социальной структуры, а социальный мир – как пространство объективно заданных связей, внешнее по отношению к агентам. Человек не только наследует общество, но и изобретает его. Этот процесс социального изобретения бесконечен [6, с. 41].

Н. Н. Козлова видела потенциал понятия «габитус» для создания социальных типологий: «Габитус – понятие типологическое. В любой реакции человека на ситуацию, поступок, подсознательное действие можно увидеть типическое. Такое восприятие соотносится с представлением о принадлежности к группе, определяется историей группы. Позиция социального агента в структуре социальных групп принуждает воспроизводить групповые социальные представления. В совместной деятельности группы возникает общая порождающая матрица практик людей – социальных агентов, которые живут в сходных социальных условиях. Эта общность проявляется в сходстве биографий.

Социальные институты, структурирующие деятельность людей – социальных агентов, не существуют во времени постоянно. <...> Мы имеем дело со способностями, возможностями, знаниями, верованиями и ожиданиями людей, а не с постоянно реализуемыми практиками. Человек носит свои способности, свою социальность и культуру в себе самом» [6, с. 41].

Включение понятия «габитус» в процесс типологизации позволяет, по мнению Н. Н. Козловой, получить ответы на следующие вопросы: «Какую социальность и историю воплощают (представляют во плоти, в теле) люди, принадлежащие к тому или иному сословию или классу? Какие новации, в дальнейшем используемые “всеми”, появились именно в данной группе и являются типичными для нее?» Данный подход «уводит нас от соблазна описывать социальный мир как готовую структуру, совершенно не зависящую от человеческой деятельности. Новации в способах совместной жизни людей не изобретаются одним человеком. Они производятся в группе. Именно в процессе групповой жизни людей постоянно появляется то, что можно назвать непреднамеренными социальными изобретениями. Эти изобретения не только рождаются в группе, в процессе коммуникации и взаимодействия, но способствуют возникновению групп, продолжению их жизни. Возникая в группе, они могут распространяться на все общество, меняя его» [6, с. 41].

В качестве заключения хотелось бы отметить, что разработанная П. Бурдьё теория практико-ориентированной социологии остается актуальной и продуктивной.

Эвристический потенциал понятия «практика», считает О. Хархордин, состоит в том, что его смысл предполагает единение действия с принятой нормой. Этот сплав рассматривается по-разному. Так, П. Бергер и Т. Лукман считают, что множественность практик объективируется в социальных нормах [13, с. 19]. Реализация практико-ориентированного подхода вновь раскрывает нам, что мир повседневности является сложноорганизованным и многогранным.

Литература

1. Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских. Лингвокультурологическое описание. – 3-е изд. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.
2. Вахштайн В. С. Социология повседневности и теория фреймов. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 334 с. – (Серия «Прагматический поворот»; Вып. 4).
3. Вахштайн В. Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 144 с.
4. Гудова М. Ю. Метод культурной практики и проблема культурологической интерпретации актуального искусства в современной эстетике // Вестник Гуманитарного университета. – 2018. – № 1 (20). – С. 88–98.
5. Аберкромби Н. Социологический словарь : пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер ; под ред. С. А. Ерофеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЗАО «Изд-во “Экономика”», 2004. – 620 с.
6. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. – М. : Ключ-С, 1998. – 192 с.
7. Шматко Н. А. На пути к практической теории практики // Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбов, Е. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 548–562. – (Серия «Gallicinium».)
8. Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 120 с.
9. Бурдые П. Социальные пространства: поля и практики / пер. с фр. ; отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 576 с. (Серия «Gallicinium»).
10. Бурдые П. Начала. Choses dites / пер. с фр. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.
11. Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской академии наук. – М. : Socio-Logos, 1996. – 304 с.
12. Мясникова Л. А., Дроздова А. В. Теоретико-методологические подходы к изучению повседневности в современном культурологическом знании // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – № 3 (141). – С. 86–95.
13. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. – М. : Логос, 2010. – 388 с.

Elena Anatolyevna Kalistratova,

Postgraduate studies secretary, Senior Lecturer,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Everyday Man as an Ensemble of Practices

Contemporary approaches to everyday life studies give us an opportunity to talk about an everyday man as a unity of practices, for the interest towards everyday life is being realized not only under the sign of “practical turn”, but also through the development of a new theoretical consensus based on the term “practice”. Practically-oriented Bourdieu's concept is being studied in the article, and practice is understood as a universal explanatory category in this concept.

Key words: everyday life; everyday man; Pierre Bourdieu; practices; habitus.